

УДК 316.454.5

Н.Н. Левчук

канд. полит. наук, начальник научно-исследовательского отдела
Научно-исследовательского института Вооруженных сил Республики Беларусь
e-mail: 1234_73@list.ru

СОЦИАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ИННОВАЦИОННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Исследуется феномен инновационной коммуникации, в ходе транзакций которой реализуется медиакоммуникационный комплекс социальной субъектности. Она проявляется в действиях и разрушительного, и созидательного характера по отношению к социосистеме. Социодинамика меняющегося контекста позволяет выявить формальные очертания процесса субъектной социализации в процессе инновационной коммуникации.

Введение

Целью статьи является выявление социальной субъектности в процессе инновационной коммуникации. Для достижения поставленной цели использован метод синергетического моделирования, позволяющий рассмотреть социальную субъектность в контексте коммуникационного обмена. Выводы статьи применимы для совершенствования принципов информационной политики государства.

Инновационная коммуникация, предполагающая в ходе ее транзакций использование новейших медиаплатформ, открывает новые формы социальной субъектности. Реализуемый в этих условиях механизм информационного воздействия выявляет техно-социальную природу инновационной коммуникации, предопределяет изменение состояний участвующих в ней акторов, выявляя их *социальную субъектность*. На государственном уровне это означает идентификацию угроз инновационного характера для дальнейшего противодействия им.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь отмечается, что технологическая эволюция становится источником принципиально новых угроз, предоставляя недоступные ранее возможности негативного влияния на личность, общество и государство [1], которые реализуются в техно-инновационном комплексе управления массовыми информационными процессами с использованием технологий скрытого принуждения людей. Такое принуждение стало атрибутом информационного воздействия в системе массовых коммуникаций. Социальная субъектность проявляется в когнитивной среде коммуникационного обмена, который происходит на основе инновационных медиаплатформ (социальные сети, мессенджеры).

Фундаментальная цель информационного воздействия заключается в завоевании символического пространства коллективных представлений в военно-политической, социальной, рекламно-маркетинговой или иных сферах. Манипулирование сознанием происходит при помощи скрытых установок, заложенных в подтексте информационного потока, когда используется специальная коммуникативная стратегия. Ее реализация приводит к дестабилизации социума, которая в современном мире превратилась в инструмент инновационной конкуренции. Тон дестабилизации задает нетократия – социальный субъект глобального уровня, качественно новая элитарная прослойка, формирующая процессы сетевого влияния в современном обществе. Следует уточнить, что социальную субъектность выявляет действие и разрушительного, и созидательного характера по отношению к социосистеме.

Субъект – это интеллектуально развитый организатор, координатор и регулятор социальных процессов, в том числе в коммуникационно-сетевом пространстве. Субъект обладает высокой степенью саморегуляции и самоорганизации. Субъект способен целенаправленно и оптимально использовать свои ресурсы, возможности, опыт и т.д. для решения поставленной задачи. Субъект эффективно разрешает противоречия, вытекающие из несоответствия его возможностей, способностей и притязаний предъявляемым нормативным требованиям общества. Субъект обладает позитивной жизненной стратегией, стремлением к самосовершенствованию и удовлетворению потребностей в самореализации и самоактуализации.

В строгом смысле субъекта характеризует наличие «Я-концепции», проявляющейся в идентификации самого себя с субъектом деятельности и источником жизненных перемен, а также в способности взять на себя ответственность за принимаемые решения и реализацию своей собственной жизни [2, с. 320]. В отношении масштабных социальных сообществ подобная «Я-концепция» реализуется по умолчанию в соотношении со смежными, подчиненными или соподчиненными субъектами. К субъектам такого рода относится и упомянутая выше нетократия. Ее изучение позволяет выявить широкий спектр социальных субъектностей.

Нетократия – инновационный феномен актуализации современной правящей элиты, которая в стремлении к глобальному влиянию интегрируется в производственные и социально-политические процессы постиндустриального общества и сама задает сетевой формат общественных отношений. Е.И. Гильбо по этому поводу замечает, что сегодня на смену борьбе за рынки сбыта и производственные ресурсы, контроль которых был основой власти в индустриальном обществе, пришла борьба за каналы информации, за построение социальных сетей, которые являются основой прибыльного постиндустриального бизнеса. Создатели и обладатели этих неустойчивых нематериальных активов – нетократы – становятся правящим классом в той мере, в какой общество все более и более становится постиндустриальным. Власть постепенно утекает из рук обладателей материальных капиталов и переходит к кураторам социально-информационных сетей [3]. При этом речь идет не только о владении активами международных корпораций, олицетворяющих социально-сетевые структуры, но и в перспективе о фундаментальном переформатировании общественных отношений. С подачи нетократов они постепенно подчиняются интересам сетевых структур.

Новая тенденция становится все более очевидной. «Официальные органы власти превращаются в декорацию и инструмент проведения интересов частных групп и сетей. Технологии постиндустриального общества, прочно вошедшие в нашу жизнь в последние десятилетия, принесли с собой новые социальные отношения и новый правящий класс. Он складывается из тех, кто в наибольшей степени способен в рамках этих отношений концентрировать или производить и удерживать ресурсы, существенные для власти в новом обществе» [3, с. 9].

Любая локальная социосистема в постиндустриальную эпоху проецирует на себя организационные формы глобальной экономики, диктующей правила инновационной конкурентоспособности. В современном мире все страны в той или иной степени постиндустриальны. Однако они разделяются на страны постиндустриального экономического ядра и постиндустриальной периферии. Качественную селекцию государств предопределяют техносоциальные организованности постиндустриального перехода: если в индустриальной цивилизации основой экономики был процесс тиражирования, то в постиндустриальном обществе «каждый производитель создает продукт, который обладает новизной и значительностью в масштабах всего человечества» [3, с. 9]. Прибыль увеличивается за счет снижения издержек производства на отдельной группе предприятий. На этих предприятиях время, затрачиваемое на производство продукта,

ниже, чем общественно необходимое (среднее), определяющее стоимость (либо выпускается уникальный продукт). Источник более высокой производительности труда создается, как правило, за счет применения новых технологий, а иногда за счет совершенствования методов организации производства. В данном случае социальная субъектность проявляется на фоне формирования нового технологического уклада.

Нетократия, являясь глобальным социальным субъектом, выполняет охранительные функции по отношению к странам постиндустриального ядра, используя против «несогласных» и «отсталых» стратегию дестабилизационного воздействия и задержанного развития. Основы построения манипулятивной стратегии заключаются в наличии двойного воздействия: с помощью инновационных медиа-инструментов «наряду с открытым сообщением манипулятор посылает адресату «закодированный» сигнал, рассчитывая на то, что этот сигнал разбудит в сознании адресата те образы, которые нужны манипулятору. Это скрытое воздействие опирается на «неявное знание», которым обладает адресат, на его способность создавать в своем сознании образы, влияющие на чувства, мнения и поведение. «Искусство манипуляции состоит в том, чтобы пустить процесс воображения по нужному руслу, но так, чтобы человек не заметил скрытого воздействия» [4, с. 99]. Социальная субъектность рассматривается в контексте символической власти, которая, как отмечал П. Бурдьё, и есть в действительности такая невидимая власть, которая может осуществляться только при содействии тех, кто не хочет знать, что подвержен ей, или даже сам ее осуществляет [5].

В интерпретации П. Бурдьё такая власть является приоритетом государства, между тем как растущая степень открытости экономик, свободы перемещения товаров, капиталов и трудовых ресурсов, межличностного взаимодействия, развитие инновационных технологий размывает грань между внутренними и внешними политическими, экономическими, информационными процессами. В таких условиях на смену традиционным системам межгосударственных сдержек и противовесов приходят социальные субъекты в виде надгосударственных и транснациональных регуляторов мировых отношений и экономики [3, с. 9], которые адаптируют модель «символической власти» к формам и способам реализации собственных лоббистских интересов.

В данном контексте ряд угроз национальной безопасности, связанный с возникновением в Республике Беларусь беспорядков, сопровождающихся насилием либо угрозой насилия со стороны группы лиц и организаций, в результате которых возникает опасность жизни и здоровью людей, независимости, территориальной целостности, суверенитету и существованию государства; дезорганизацией системы государственного управления, созданием препятствий функционированию государственных институтов; деструктивным информационным воздействием на личность, общество и государственные институты, может рассматриваться в системном комплексе обеспечения инновационной безопасности, выявляя ее социосистемную и техносотциальную сущность [1]. Т.е. обеспечение инновационной безопасности рассматривается в контексте противодействия применению деструктивных социальных технологий, в том числе в системе управления массовыми информационными процессами.

Социальные технологии регулируют процесс инновационной коммуникации. Они рассматриваются, во-первых, как специально организованная область применения «способов и процедур оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов. Во-вторых, как способ осуществления деятельности на основе ее рационального расчленения на процедуры и операции с их последующей координацией и синхронизацией, а также выбора оптимальных средств, методов их выполнения. В-третьих, как метод управления социальными процессами, обеспечивающий систему их воспроизводства в определенных параметрах – качества, свойства, объема, целостности деятельности и т.п. Со-

циальные технологии – элемент человеческой культуры – возникают эволюционно либо создаются искусственно. Их появление связано с потребностью быстрого и крупномасштабного тиражирования новых видов деятельности» [6, с. 118], совершенствование способов которого является одним из проявлений социальной субъектности.

Вместе с тем использование социальных технологий может иметь не только созидательный, но и разрушительный характер, когда в результате их применения изменяется облик объекта деятельности. В этом случае происходит перепрограммирование целевых групп, которые могут направлять свою социальную активность в зависимости от исходного послания или на созидание, или на разрушение.

В процессе реализации дестабилизационных стратегий происходит своего рода «перемагничивание» социального поля, а в конечном итоге – перепрограммирование легитимности. В контексте данного процесса методы «ненасильственного сопротивления», по Д. Шарпу [7], не что иное, как система генерирования информационных поводов для формирования деструктивного коммуникационного потока, направленного не на инновационное, а на задержанное развитие. Оно является инструментом актуализации социальной субъектности в процессе глобальной конкуренции.

Инновационный феномен такой актуализации заключается в том, что индивидуум, обладающий вполне самостоятельным мышлением и даже имеющий высокий интеллектуальный уровень развития, оказывается не в силах противостоять коммуникационному потоку и добровольно принимает навязываемую программу действий. В зависимости от того, к какому социальному субъекту, к какой публике, к каким потенциальным аудиториям адресуется информация отправителя, акт коммуникации будет иметь свой неповторимый образ. Если отправитель передает сообщение по каналу, который доступен получателю, и с помощью медиума, имеющего доступ к получателю, и если адресат владеет тем же кодом, что и отправитель, тогда коммуникация удастся. Инновационная коммуникация, основанная на сетевых механизмах информационного обмена, приобретает особый резонансный характер.

Социальная субъектность в процессе инновационной коммуникации формализуется исходя из логики интерпретаторов, которые, по Ю. Хабермасу, понимают значение текста лишь в той мере, в какой им удастся постичь мотивацию автора. Интерпретаторы должны прояснить тот контекст, который автор, по-видимому, предполагал как общеизвестный. Интерпретаторы не могут понять семантическое содержание текста, если для них самих те основания, которые в исходной ситуации сумел бы в случае необходимости привести автор, не приобретают наглядности. Однако далеко не безразлично, являются эти основания разумными или только считаются таковыми, будь то основания, приводимые при констатации фактов, при утверждении норм и ценностей или при выражении желаний, чувств [8, с. 50].

Заключение

Исходя из гипотезы семиотической непрерывности система представляется образом ее среды и как элемент универсума отражает существенные свойства последнего.

Трансформация системы предполагает одновременно и изменение ее окружения, источники воздействия могут корениться в изменениях как системы, так и окружения, актуализируя социальную субъектность таких изменений в процессе инновационной коммуникации.

Когнитивная среда инновационной коммуникации не только породила новый формат социальной субъектности, но и позволила выявить техносциальную парадигму общественных взаимоотношений, которая в условиях глобальной конкуренции опирается на инновационные смыслы построения эффективного государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Луков, В. А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ : монография / В. А. Луков. – М. : Канон+, 2012. – 527 с.
3. Гильбо, Е. В. Постиндустриальный переход и мировая война / Е. В. Гильбо. – Тенерифе, 2013. – 119 с.
4. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Эксмо-пресс, 2002. – 832 с.
5. Бурдые, П. О символической власти / П. Бурдые. – М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. – С. 87–96.
6. Грачев, Г. В. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г. В. Грачев, И. К. Мельник. – М. : Алгоритм, 2002. – 288 с.
7. Шарп, Д. От диктатуры к демократии [Электронный ресурс] / Д. Шарп // Ин-т им. Альберта Эйнштейна. – 2014. – Режим доступа: http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf. – Дата доступа: 26.03.2014.
8. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 380 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.02.2018

Levchuk N.N. Social Subjectivity in the Course of Innovative Communication

In the article the phenomenon of innovative communication during which transactions the media communication complex of social subjectivity is implemented is investigated. In the course of innovative communication the subject effectively resolves the contradictions following from discrepancy of its opportunities, abilities and claims to the imposed standard requirements of society. The sociodynamics of the changing context allows revealing formal outlines of process of subject socialization in the course of innovative communication.